

– Борис Александрович, Вашу первую книгу “Гранитный Север” выпустил Воениздат. Вы пишете о войне, получили литературную премию имени Константина Симонова, но можно ли военную тематику считать доминирующей в Вашем творчестве?

– У меня нет понятия “доминирующая”. Доминирующая – это жизнь, мир, который меня окружает, мои философские взгляды. Служба мне показала, что такое ответственность за судьбы государства и за судьбы мира. Когда в таком относительно молодом возрасте прикасаешься к чему-то глобальному, высокому, начинаешь смотреть на мир уже по-другому. И какие-то мелкие житейские моменты кажутся не столь важными.

Спасибо, что напомнили о моей первой книге. Помнится, я её сдал в издательство в 22 года, а вышла она через пять лет. Выход книги – это было большое событие... Кстати, премия Симонова – не первая для меня; вначале была премия мурманского комсомола им. Александра Подстаницкого – молодого воина, погибшего на северных рубежах. Её мне присудили 32 года тому назад. Когда вышел мой “Гранитный Север”, то получил довольно много отзывов: в “Новом мире”, в “Неве”, в ряде московских журналов... Станислав Золотцев даже назвал меня одним из самых лучших молодых авторов. Я вошёл в литературу с теми, кто меня был лет на десять старше. Ездил всюду с писателями-фронтовиками. У меня всегда складывались прекрасные взаимоотношения с теми, кто прошёл испытания. Прошёл войну.

– Можете назвать любимых писателей-фронтовиков?

– Конечно! Михаил Дудин, который рекомендовал меня в Союз писателей, мой однофамилец Сергей Орлов, Сергей Давыдов (самые тёплые отношения у меня с ним были), Вадим Шефнер, Всеволод Азаров... Многих ещё можно назвать, в том числе и из тех, кто сейчас незаслуженно забыт. Не хотят их вспоминать. Наверное, просто некогда или лень, я не знаю. Молодёжь

до такой степени затмона. . . Понятно, конечно, ведь сейчас литературный труд не даёт ни денег, ни уважения. . .

– *Вы часто общаетесь с молодыми авторами. Многие из них обращаются сейчас к гражданской лирике?*

– Владимир Путин назвал развал Советского Союза катастрофой. Это действительно катастрофа, когда идеология, чётко направленное движение вперёд отменяются. Начался хаос. Люди разбежались по национальным квартирам, по каким-то социальным группам. Молодёжь потеряла твердые ориентиры. Ушло государство, которое поддерживало литературу. Состоять в Союзе писателей СССР было до такой степени престижно! Член Союза писателей был равен доктору наук и по степени уважения, и по льготам. И уровень мастерства был довольно высоким, а сейчас все считают себя писателями, а уровень. . . сами знаете. . . Помню, что от Ленинграда в год принимали всего пять-шесть человек в Союз писателей СССР.

Есть, конечно, молодёжь, которая обращается к гражданской лирике. Но этот жанр доступен, когда молодой человек дорастает до масштабов хотя бы понимания истории своей страны, до масштабов понимания того, что происходит в мире. У нас сейчас, к сожалению, принято поклоняться Америке, а не любить своё Отечество. У меня есть материал “Осмотреться в отсеках” (в “Вестнике Совета Федерации”, №5, 2015 г.), где я цитирую Бродского. Он в мае 1992-го (практически полгода не прошло после распада СССР) говорит, что сейчас существует паритет, равенство между изящной словесностью российской и США. Если даже Бродский так считал, находясь в Америке, значит, наша поэзия была значительно выше.

Для того чтобы что-то говорить через поэзию, у человека это “что-то” должно быть за душой. А бывают ребята, которые филологические стихи пишут: вроде всё грамотно, но внутри – пустота, нет души. . . Я им постоянно говорю, что поэзия стоит на втором месте после молитвы. А богохульство – от дьявола. У нас очень много чернухи.

– *Борис Александрович, можете прокомментировать изменения в литературе в постсоветское время?*

– Горбачёв в своё время обратился к редакторам газет с просьбой уйти в оппозицию, спорить с властью якобы для того, чтобы страна шла вперёд. Ещё Геннадий Григорьев писал: “Дядя Миша перестраивал сарай. . .” Мы и пустились во все тяжкие: начали ругать то, что создавали, ломать всё подряд, но не подумали хотя бы шалаш построить, где можно будет жить. В результате оказались бездомными. Напрочь всех забыли. . . Того же Гену Григорьеву, Олега Осипова. Сейчас же пишут все, кому не лень, – о бытовых мелочах, о ерунде. . . Есть, конечно, писатели, которые остались на традициях русской литературы. Если западные писатели описывают быт, наши – бытие. Для западников важно сиюминутное, нет понимания своего предназначения. Для чего человек пришёл в этот мир? Что вам нужно совершить в этой жизни? У них нет ответов на эти вопросы. Когда же человек начинает соотносить свою жизнь с вечностью, ему легче жить, он руководствуется заповедями Божиими, дышит легче.

– *Можно ли полюбопытствовать, что конкретно Ваши детство, юность привнесли в понимание и чувство “Русского мира”?*

– У меня с детства остались самые яркие, самые тёплые впечатления от русских традиций, обычаев, быта. . . Я родился и вырос в деревне Живетьево. Оголтело-идеологического восприятия мира, кстати, не было. Может быть, именно в наших краях не было таких перегибов. Помню, как меня избрали секретарём комсомольской организации в 9-м классе, как мы приехали собирать картошку в колхозе, а там ни вёдер не было, ни сменной одежды – не предупредили, я и увёл наш класс с поля. Беседовали потом со мной, конечно. Но всё это было лояльно, доброжелательно.

С детства помню песни “На сопках Манчжурии”, посвящённую русско-японской войне, “Гибель “Варяга”. . . Помню, как в наш большой дом съезжались гости, когда мне было пять лет, на православный праздник Воздвижения Креста Господня. Друзья отца – фронтовики, а им ещё сорока лет не было. Я впервые услышал от них песни на стихи Есенина “Вечер чёрные брови насопил”, стихи из “Персидских мотивов”. . . А потом приехал родной брат моей бабушки – участник Первой мировой войны – со своими друзьями. Они затянули русскую народную, очень похожую на казацкую, на три голоса: “Ой, да за

горой, да за крутой"... А ещё пели песни на стихи Некрасова, "Коробушку", романсы. Два поколения в одном доме, и такие разные песни!

— Скажите, а есть ли у Вас стихи о войне в Донбассе?

— Непосредственно о войне в Донбассе нет, но у меня есть стихи, посвящённые Майдану. Там есть такие строчки: "Сбили "Боинг" — как будто Рейхстаг подожгли, и коричневой стала планета" — о наступлении фашизма.

Моя задача в силу возраста — оценить то, что там происходит, с философской точки зрения, на глобальном уровне. Донбасс — это большая трагедия, передел договоров, которые были заключены после Второй мировой войны. Пересмотр их начался ещё с Афганистана. Сейчас США пытается быть мировым жандармом, утвердиться, к примеру, в Средней Азии. И Россия — единственная держава, которая пытается сделать мир многополюсным, а не однополюсным, как хотят Соединённые Штаты. И об этом нужно писать.

Мы дважды в петербургском Доме писателя принимали донбасских писателей. Когда человек страдает, то эти глубокие переживания приводят к искренним лирическим гражданским стихам. В Донбассе сейчас пишется очень много хорошей гражданской лирики.

А у нас, к сожалению, работает "тусовочная психология". "Тусовочные" поэты "гениальны" в своём узком кругу. Забывают о советских литературных эталонах, о поэтах Серебряного века, Золотого пушкинского века. У нас просто мало любопытства к тому, что было до нас и в истории, и в литературе, и в поэзии.

— Чего, на Ваш взгляд, не хватает современному поэту?

— Не хватает того признания, которое было в Советском Союзе. Даже частную "Литературную газету" читает теперь очень небольшое количество людей. Не хватает оценки труда. Всё, конечно, нужно делать вовремя. Первая моя публикация была в школьные годы. Меня, безо всяких "связей", печатали всесоюзные издания. Не то, что сейчас! Я просто посылал подборки, и они публиковались. Я послал рукопись своей книги в Воениздат, и на меня они сами вышли. А как я попал на VII Всесоюзное совещание писателей! Я приехал в Учебный центр в город Обнинск, зашёл в издательство "Молодая гвардия" с подборкой стихов. Они попросили меня оставить координаты и тут же рекомендовали на VII Всесоюзное совещание. Я попал в семинар к Егору Исаеву. У нас были самые тёплые взаимоотношения до конца его дней. Он тогда написал в Главный штаб Военно-морского флота, и мне дали разрешение на отпуск для сдачи экзаменов в Литинститут. Это была большая редкость. Кроме себя, из офицеров подводников-атомщиков я не знаю никого, кто бы окончил Литинститут. Даже когда мы уходили в море, а потом приходили на базы в другие города, то где бы мы ни были, я шёл на почту и отправлял свои курсовые работы. Мне все шли навстречу: и командир у меня был прекрасный — Юрий Константинович Шамшур — боевой офицер, командир нашей ядерной подводной лодки, ко мне с симпатией относился.

У меня всегда шли параллельно и поэзия, и служба. Даже когда была англо-аргентинская война, и мы там боевую службу несли недалеко от берегов, но, естественно, в нейтральных водах. Советский Союз тогда был сдерживающим фактором.

Я всегда считал себя человеком стойким. И в жизни плакал два раза: когда видел, как армия расстреливает собственный парламент в 93-м году, и когда бомбили Югославию.

Мне очень близок Некрасов, который сказал: "Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан".

— Занимаетесь ли Вы патриотическим воспитанием в школах?

— Да, и в военно-морских училищах тоже. Писатели нашего Союза посещают и детей-инвалидов. Несмотря на всю эту административную работу, иду туда, куда меня пригласят. Я всегда рассказываю о своём пути, вспоминаю своих предков, читаю стихи. Очень важно, чтобы мы не были Иванами, не помявшими родства...

Беседа вела Н. Романова
г. Луганск